

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР 1920-Х ГГ. В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

*А. Ю. Сулов**

*Казанский национальный исследовательский технологический университет
ул. К. Маркса, 68, Казань, 420015, Россия*

А. А. Голосеева

*Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Фотиевой, 6, Москва, 119333, Россия*

Аннотация.

Введение. Цель статьи – изучение восприятия проблемы индивидуального политического террора в российском эмигрантском социалистическом сообществе 1920-х годов. **Материалы и методы.** Методологической основой работы выступают принципы интеллектуальной истории, позволяющие рассмотреть террора с точки зрения анализа идейной борьбы, противостояния отдельных политических деятелей и общественных групп за пространство внимания. Дается краткая историографическая характеристика основным работам отечественных и зарубежных историков. **Результаты.** Разбирается контекст судебного процесса 1923 г., реакция различных лагерей эмиграции, деятельность по организации защиты Коноради и Полунина. Показано, что в отношении самой практики политического терроризма со стороны правых и умеренно консервативных кругов русской эмиграции проявились двойные стандарты: к политическим противникам – можно применять подобные методы, но когда жертвой покушения становится «свой» политики – это вызывает неприятие и публичное осуждение. Фиксируется официальная реакция Заграничной Делегации партии социалистов-революционеров в журнале «Революционная Россия». Наибольшее внимание уделяется неопубликованной статье В.М. Чернова «Оба хуже» (1923 г.), посвященной итогам суда в Лозанне. Анализируется аргументация Чернова, его взгляды на принципиальные различия дореволюционного эсеровского террора и убийства В.В. Воровского. Отмечается, что народовольческий и эсеровский террор находился в жестких морально-этических рамках, которые не позволяли совершать политические убийства на территории свободных демократических стран. Эсеровские террористы никогда не шли по пути наименьшего сопротивления и провозглашали идею самопожертвования. Чернов подчеркивает, что привлекать к ответственности за красный террор могут только те, кто не причастен к террору белому. Оценивается реакция российской социал-демократии в эмиграции, в частности, статья лидера зарубежных меньшевиков Ф.И. Дана, посвященная лозаннскому процессу. **Выводы.** Авторы приходят к выводу о преобладании тезиса о праве только социалистических партий, без привлечения белого движения, бороться с большевистской диктатурой. Делается заключение о принципиально единой позиции заграничных российских социалистов в деле противостояния политическому террору.

Ключевые слова: В.В. Воровский, политический террор, судебный процесс, М. Конради, эмиграция, В.М. Чернов, партия социалистов-революционеров, меньшевики

*** Ответственный автор**

Для цитирования: Суслов А.Ю., Голосеева А.А. (2024). Индивидуальный политический террор 1920-х гг. В оценках российской социалистической эмиграции // История: факты и символы. № 3 (40). С. 122-137 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-122-137

Статья поступила: 26.02.2024

Статья принята в печать: 27.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Суслов А., Голосеева А., 2024

THE INDIVIDUAL POLITICAL TERROR OF THE 1920-S IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN SOCIALIST EMIGRATION

*Aleksei Y. Suslov**

Kazan National Research Technological University
68 K. Marx Street, Kazan, 420015, Russia

Anna A. Goloseeva

Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
6, Fotieva str., Moscow, 119333, Russia

Annotation.

Introduction. The purpose of the article is to study the perception of the problem of individual political terror in the Russian emigrant socialist community of the 1920s. **Materials and methods.** The methodological basis of the work is the principles of intellectual history, which allow us to consider terror from the point of view of analyzing the ideological struggle, the confrontation of individual political figures and public groups for the space of attention. A brief historiographical description of the main works of domestic and foreign historians is given. **Results.** The context of the 1923 trial, the reaction of various emigration camps, and the activities of organizing the defense of Konradi and Polunin are analyzed. It is shown that double standards have been manifested in relation to the very practice of political terrorism on the part of right-wing and moderately conservative circles of Russian emigration: similar methods can be applied to political opponents, but when an attempt victim becomes a "friend" of politics, this causes rejection and public condemnation. The official reaction of the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party is recorded in the magazine *Revolutionary Russia*. The greatest attention is paid to V.M. Chernov's unpublished article "Both are worse" (1923), dedicated to the results of the trial in Lausanne. Chernov's argumentation and his views on the fundamental differences between the pre-revolutionary Socialist Revolutionary terror and the murder of V.V. Vorovsky are analyzed. It is noted that the popular-will and Socialist-Revolutionary terror was in a strict moral and ethical framework that did not allow political crimes to be committed. Chernov emphasizes that only those who are not involved in the white terror can be held accountable for the red terror. The reaction of Russian social democracy in emigration is evaluated, in particular, the article by the leader of the foreign Mensheviks F.I. Dan, dedicated to the Lausanne process. **Conclusions.** The authors conclude that the thesis of the right of only socialist parties, without involving the white movement, to fight the Bolshevik dictatorship prevails. The conclusion is made about the fundamentally unified position of foreign Russian socialists in opposing political terror.

Keywords: V.V. Vorovsky, political terror, trial, M. Konradi, emigration, V.M. Chernov, Party of Socialist Revolutionaries, Mensheviks.

* Responsible author

For citation: Suslov A., Goloseeva A. (2024). The individual political terror of the 1920-s in the assessments of the Russian socialist emigration In *History: facts and symbols*, 3 (40), 122-137 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-122-137

Received: 26.03.2024

Revised: 27.05.2024

Published: 20.09.2024

© Suslov A., Goloseeva A., 2024

1. Введение

Террор в качестве метода политической борьбы использовали как радикальные организации, так и одиночки, считающие, по различным основаниям, свои акции морально оправданными. В начале XX в. в России индивидуальный политический террор достиг значительных масштабов. Как системный элемент тактики его приняли сразу несколько политических организаций, в том числе партия социалистов-революционеров (террор нашей полит программы).

Эпоха революции 1917 г. и Гражданской войны вновь обострила эту проблему. Проблема индивидуального политического террора в годы гражданской войны и причастности к нему различных политических деятелей и организаций в России является одной из наиболее острых и дискутируемых в историографии. Зачастую политические убийства становились оправданием для ответного массового террора, к которому прибегали все противостоящие стороны. Покушения на лидеров большевиков в 1918 г. имели серьезные и длительные последствия, как для правящей партии, так и для ее оппонентов.

Позиция партии социалистов-революционеров по этому вопросу была следующей: официально террор не был включен в партийную тактику ни на IV съезде, ни на VIII, IX и X Советах партии в 1917–1921 гг. [10, с. 329 – 330]. Несмотря на жаркие внутренние споры о возможности применения террористических методов борьбы с большевиками, например, на IV съезде партии в ноябре – декабре 1917 г., категорически отвергалась причастность партии к террору против большевистских лидеров (главным образом, к покушению Фанни Каплан на Ленина и убийству Володарского).

В начале 1920-х гг. российские социалистические партии, противники большевиков, в значительной мере были вытеснены в эмиграцию. Прошедшие события заставили пересмотреть основы мировоззрения российских социалистов, задуматься не только о разработке новых путей и методов осуществления социализма, но и о ревизии его содержания, изменения программных принципов. В этом процессе идейной эволюции проблема политического террора не занимала центрального места. Однако такие дискуссии актуализировались, когда русскую эмиграцию потрясли громкие политические убийства, к которым представители партии, в прошлом знаменитой своей Боевой организацией, не могли оставаться безучастными. Одной из таких террористических акций стало убийство советского дипломата Вацлава Вацлавовича Воровского (1871–1923) в швейцарской Лозанне 10 мая 1923 г.

2. Материалы и методы

Методологической основой работы выступают принципы интеллектуальной истории, позволяющие рассмотреть оценку террора с точки зрения анализа идейной борьбы, противостояния отдельных политических деятелей и общественных групп эмиграции за пространство внимания. Исследуется интеллектуальная мысль эпохи, способы построения и выражения мыслей, интерпретации. Цель данной статьи – изучение восприятия проблемы индивидуального политического террора в российском эмигрантском социалистическом сообществе 1920-х гг.

За прошедшее время гибели Воровского сложилась определенная историографическая традиция. В СССР было опубликовано несколько биографических трудов о В.В. Воровском, переизданы его философские и литературоведческие работы, статьи по вопросам внешней политики [6]. Из зарубежной историографии можно выделить монографии Анетты Гатикер [26] и А. Сенна [27], а также статьи Г. Каполя [23] и Р. Матоса Франко [24; 25]. В современной российской исторической литературе сюжет о Воровском так или иначе затрагивается в работах Н. Ю. Васильевой [1], А. В. Ганина [2], Ю. В. Дойкова [4], В. П. Драгунова [5], Ю. Н. Сколяр [13], К. А. Чистякова [16; 17] и других.

В то же время стоит отметить, что существующая литература сосредоточена главным образом на юридических аспектах судебного процесса и в меньшей степени затрагивает общественно-политическую реакцию на дело Конради-Полунина в среде российской эмиграции. Только в последнее время появились работы, так или иначе анализирующие подготовку суда, подготовку защиты и обвинения, международный резонанс. Не получила научного освещения реакция различных лагерей российской эмиграции, прежде всего, неонароднического. Между тем, отклики представителей левого крыла Зарубежья на процесс 1923 г. и проблему политического террора представляют безусловный интерес в плане изучения эволюции программных и тактических установок социалистов-революционеров и социал-демократов в 1920-е гг.

3. Результаты и их обсуждение

В. Воровский находился в Лозанне в составе советской делегации для участия в международной конференции, посвященной положению черноморских проливов, которая проходила в два этапа – с 21 ноября 1922 г. по 5 февраля 1923 г. и с 23 апреля по 24 июля 1923 г. Однако, из-за противодействия великих держав, советские дипломаты не получили официального статуса участников конференции и не были допущены к заседаниям. Впоследствии это дало повод властям Швейцарии считать Воровского частным лицом и отказать СССР в участии в судебном процессе в качестве законной стороны, и обвинения на процессе выдвигали представители гражданских истцов. Швейцарский коммунист Вельти выступал как поверенный вдовы Воровского, Членов С.Б. – представителем одного из раненых коллег дипломата.

Убийцей Воровского был М. М. Конради (1896–1947), русский эмигрант швейцарского происхождения, белый офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн. Дождавшись Воровского в ресторане отеля «Сесиль», он убил его выстрелами из пистолета и ранил еще двух человек: секретаря Воровского М. А. Дивильковского и его помощника и пресс-секретаря И. Л. Аренса. После совершения террористического акта Конради не пытался бежать и сдался полиции. Через несколько дней после обыска у членов был арестован его сообщник А. П. Полунин (1889–1933), также офицер и эмигрант, член русского Красного Креста, который лично в террористическом акте не участвовал, но являлся его организатором.

Судебный процесс над Конради и Полуниным (5–16 ноября 1923 г.) в Лозанне завершился довольно скандально – оправданием подсудимых. Суд присяжных счел, что Конради действовал под давлением «обстоятельств, исходивших из его прошлого». Действительно, Конради имел серьезный личный мотив для мести: в период «красного террора» погибли его отец и дядя, владелец кондитерских фабрик в Москве и Санкт-Петербурге.

Стоит отметить, что лозаннский процесс 1923 г. проходил на фоне активизации индивидуального политического террора в Европе после окончания Первой мировой войны. Общественное мнение (как и, разумеется, присяжные заседатели) было прекрасно информировано о целом ряде резонансных убийств начала 1920-х гг. Так, 13 июня 1920 г. албанец А. Рустеми убил в Париже Эссад-пашу Топтани, в прошлом видного османского военачальника. 15 марта 1921 г. армянский студент С. Тейлирян застрелил в Берлине М. Талаат-пашу, одного из лидеров младотурецкой партии, бывшего министра внутренних дел Османской

империи. 26 августа 1923 г. от рук Й. Цицонкова в Праге погиб Райко Доскалов, болгарский политик, один из руководителей Болгарского земледельческого народного союза, бывший министр внутренних дел и бывший посол в Чехословакии. Во всех трех случаях эти политические убийства рассматривались как акты патриотической борьбы, и убийцы избежали наказания либо ввиду оправдания присяжными, либо ввиду признания невменяемыми. Трудно оценить, насколько большое воздействие оказали эти прецеденты на Лозаннский процесс, но учитывать этот фактор необходимо. Сыграла свою роль и ситуация внутри Швейцарии, особенно убежденность значительной части швейцарского общества в том, что всеобщая забастовка 1918 г. была организована советскими агентами и воспоминания о разграблении дипломатической миссии в Петрограде (соответствующая информация прозвучала на процессе).

Гибель В. В. Воровского и процесс Конради–Полунина получили большой общественный резонанс, вызвали острую полемику в эмиграции и активно освещались в периодической печати, как советской, так и зарубежной. Появились брошюры адвоката Полунина Т. Обера [12; 22] и советского представителя на суде С.Б. Членова [18; 19]. Советская пропаганда связывала гибель Воровского с империалистическими кругами стран Антанты, а также возлагала ответственность на правительство Швейцарии, не обеспечившей безопасности дипломата. По Советскому Союзу прокатилась волна массовых акций по поводу гибели Воровского. Еще до вердикта суда в июне 1923 г. власти РСФСР приняли решение о полном бойкоте Швейцарии – не выдавать виз швейцарским гражданам (за исключением пролетариата) и остановить экономические взаимосвязи.

Правительства многих стран – Италии, Швеции, Турции, Греции, Германии, Латвии, Литвы, Монголии, Болгарии, Эстонии, Персии и даже Ватикана, выразили Советскому Союзу свои соболезнования. Под давлением европейских держав (прежде всего, Франции) в 1927 г. и правительство Швейцарии «осудило» и «выразило сожаление» по поводу убийства Воровского, бойкот был снят, однако дипломатические отношения с СССР были восстановлены только в 1946 г.

Как же удалось добиться оправдательного приговора убийцам? Главным образом, это был результат слаженных действий адвокатов подсудимых и определенных кругов российской эмиграции, которым удалось превратить судебный процесс Конради–Полунина в суд над большевистской властью. Возник организационный центр, наиболее активным деятелем которого был А. И. Гучков. Гучков сыграл решающую роль в сборе материалов и доказательств для швейцарского суда [8, с. 136]. Он писал из Парижа в Италию 30 июня 1923 г. известному литератору А. В. Амфитеатрову: «Как только произошло в Лозанне известное Вам событие, мне и небольшому кружку моих политических друзей естественно пришлось в голову воспользоваться предстоящим процессом, чтобы выполнить акт грандиозной пропаганды против большевиков и, что называется, подменить подсудимых, посадив на скамью подсудимых саму советскую власть» [11, с. 590]. Был составлен план подготовки к процессу (сбор сведений о красном терроре, деятельности ВЧК и др.), активную помощь Гучкову оказывали П. Б. Струве, И. С. Шмелев [20], С. П. Мельгунов, В. И. Гурко, Ю.И. Лодыженский и многие десятки других известных деятелей эмиграции.

В активной роли Гучкова в процессе была своя ирония, так как в эмиграции он сам был объектом ненависти и угроз монархистов, винивших его в организации заговора против императора в 1917 г. В январе 1921 г. в Берлине на станции подземки Гучков случайно столкнулся с офицером–монархистом С.В. Таборицким, который напал на него и довольно сильно избил зонтиком, называя Гучкова предателем. После вмешательства полиции Гучков был отправлен в больницу. Как известно, через год именно от руки Таборицкого погибнет В. Д. Набоков.

Представители истцов пытались сделать все возможное, чтобы переключить внимание на процессе с обвинений в адрес советской власти на сам факт убийства. С.Б. Членов в

своей заключительной речи среди прочего апеллировал и к факту убийства В.Д. Набокова, указав, что «к чести немецких судей, убийцы были приговорены к 20-ти годам заключения»¹. Истцы настаивали, что вопрос о русской революции должен быть разрешен не судом присяжных, а трибуналом мировой истории. Однако им, в свою очередь, пришлось обличать «белый» террор и характеризовать подсудимых как фашистов, шпионов, контрреволюционеров и предателей Родины.

Газета «Накануне», сразу же после убийства обвинила в нем швейцарские ультраправые организации: «Убийца принадлежит к группе так называемых, швейцарских фашистов, которые за последние дни неоднократно выступали с угрозами против Воровского и его товарищей»².

В ходе процесса и после оправдательного приговора советская пресса упорно продвигала версию о том, что Конради и Полуниин лишь исполнители, а заказчики убийства – некие влиятельные антисоветские силы: «Демократический суд неотлучно стоял на страже того дьявольского заговора буржуазии, имя которому фашизм»³.

«Оправдала убийц тов. Воровского та международная шайка, которая выбрала место, время и обстановку убийства, которая застигла тов. Воровского в Лозанне (...) и пустила в него рукой Конради несколько пуль. (...) Могла ли эта международная шайка допустить, чтобы Полуниин и Конради понесли действительное наказание? Могла ли она быть уверенной в том, что эти два проходимца, поставленные перед реальной, а не воведильной опасностью смертного приговора, не выдадут тех, кто их повел на убийство?»⁴.

На эпитеты в адрес Конради лично советские журналисты также не скупились, традиционно объединяя эсеров и монархистов как идейных единомышленников: «Чтобы сделаться эсеро-белогвардейским героем и святым, недостаточно быть разбойником и грабителем. Надо еще иметь трусливую и гаденькую душонку мелкого воришки»⁵.

В качестве свидетелей обвинения были привлечены бывшие белые генералы С. К. Добророльский и Е. И. Доставалов, служившие ранее во врангелевской армии, сотрудники сменовеховской газеты «Накануне», идеолог сменовеховства профессор Ю.В. Ключников, французский коммунист Ш. Раппопорт, писатель А. Барбюс (прислал письмо), несколько граждан Швейцарии и США, имевшие отношение к Гражданской войне в России. Однако свидетели из рядов сменовеховцев, из-за своей сомнительной идеологической позиции, не вызывали особого доверия. Например, в ходе самого процесса 10 ноября на очной ставке между Добророльским и Доставалов и генералом Крейтером, последний заявил, что, по общему мнению офицеров Врангелевской армии, эти генералы являются «изменниками, недостойными того, чтобы с ними разговаривать»⁶. И это был не единственный инцидент такого рода.

Сторона защиты и по числу привлеченных свидетелей, и по количеству и качеству подготовленного материала существенно превзошла обвинение. «Не только вся эмигрантская печать, – писал в варшавской газете «За свободу!» известный писатель М. П. Арцыбашев, – но и вся мировая пресса, за исключением нескольких органов усмотрела в оправдании Конради “пощечину большевизму”»⁷. Сам Арцыбашев своими статьями, в том числе «Показания, представленные на суд в Лозанну» («За свободу!», 1923, 22 и 24 но-

¹ Процесс Конради // Дни. № 314. 1923. 17 ноября. С. 3.

² Убийство Воровского // Накануне. № 331. 1923. 12 мая. С. 1.

³ П.Ш. Два суда // Правда. № 259. 1923. 15 ноября. С. 1.

⁴ П.Ш. Кто оправдал наемных убийц? // Правда. № 262. 1923. 18 ноября. С. 1.

⁵ Святой убийца (К процессу Конради) // Правда. № 255. 1923. 10 ноября. С. 1.

⁶ Дело об убийстве Воровского // Руль. № 902. 1923. 21 ноября. С. 4.

⁷ Арцыбашев М.П. Пощечина // За свободу! 1923. 26 ноября.

ября), выступая как свидетель против большевизма, также в значительной мере способствовал оправданию Конради [3, с.130].

Очевидно, что право-консервативная часть эмиграции горячо приветствовала решение Лозаннского суда, но не были исключением и правые кадеты. «Чем энергичнее большевики и их приспешники усердствовали, тем звонче на весь мир прогремела пощечина, нанесенная им оправдательным вердиктом»¹, ликовал «Руль». «Конради совершил тяжкое преступление, он нанес физический удар; но судьи совести не решились вменить ему это преступление в вину, потому что большевики создали невыносимую обстановку неслыханной тирании, которая властно толкала руку убийцы»².

Здесь невольно напрашивается сравнение с реакцией русской эмиграции на покушение 28 марта 1922 г. в Берлине монархистов П. Н. Штабельского-Борка и С. В. Таборицкого на П. Н. Милюкова, в результате которого был застрелен В.Д. Набоков. Здесь русское общество в изгнании сомкнуло ряды и единодушно выразило негодование по поводу этого бессмысленного акта насилия. Причем осуждалось не только само убийство достойнейшего человека, патриота и рыцаря, но и сам террор как метод приверженцев монархической идеи. «Господа монархисты показали себя во всей своей сущности... Доведя отчизну до небывалой катастрофы и породив большевистское засилье, которое воспроизводит в карикатурной форме все их навыки и приемы, они пользуются гостеприимством чужой страны, чтобы сводить свои кровавые счета с людьми, которые всю свою жизнь отдали на борьбу за благо и счастье России»³. «Потрясены известием о новой жертве отвратительного террора, лишившего Россию одного из лучших сынов», писали члены бюро национального комитета из Праги; «Редакция газеты «Голос России» глубоко возмущена чудовищным и бессмысленным преступлением...»; «Правление русского студенческого союза в Чехословацкой республике, объединяющего демократическое студенчество, возмущенное гнусными приемами монархической клики против партии народной свободы, всегда протестовавшей против террора, выражает чувство глубокого соболезнования...» и т.д.⁴

Разумеется, правая пресса была более сдержана, однако и участники проходившего в это время в Берлине монархического съезда, и участники совещания русских конституционных монархистов однозначно открестились от убийц, осудили их преступное деяние и выразили глубокие соболезнования вдове Владимира Дмитриевича⁵.

Таким образом, мы видим, что в отношении самой практики политического терроризма со стороны правых и умеренно консервативных кругов русской эмиграции проявились двойные стандарты: к политическим противникам – можно применять подобные методы, но когда жертвой покушения становится «свой» политики – это вызывает неприятие и публичное осуждение.

Часть деятелей левого спектра российской эмиграции также приняла участие в помощи защитникам Конради и Полунина. Обширные материалы в форме научного доклада прислал П. А. Сорокин, собирался приехать на суд А. Ф. Керенский (в итоге дал письменные показания). Это вновь оживило в эмигрантской социалистической среде дискуссию о допустимости террора как метода политической борьбы.

Газета Керенского «Дни» оперативно реагировала на все новости, связанные с убийством Воровского. На следующий день после инцидента в Лозанне на первой странице «Дней» появилась статья «Бессмысленное убийство», в которой говорилось о том, с учетом

¹ Лозаннский приговор // Руль. № 900. 1923. 18 ноября. С. 1.

² Там же.

³ Монархисты // Руль. № 417. 1922. 30 марта. С. 2.

⁴ Памяти В.Д. Набокова. Выражения сочувствия и соболезнования // Руль. № 418. 1922. 31 марта. С. 1.

⁵ К убийству В.Д. Набокова // Руль. № 418. 1922. 31 марта. С. 2.

довольно сложного положения Советской России на международной арене, данный террористический акт пойдет ей только на пользу. «Убийство Воровского будет использовано большевиками для некоторого смягчения того естественного чувства возмущения, которое вызывает у всех порядочных людей их режим ужаса и крови. Борьба с большевиками методами фашизма значит задерживать естественный процесс изоляции большевизма в Европе»¹.

После начала процесса «Дни» публиковали ежедневные отчеты о нем, однако довольно лаконичные и не на первых полосах. Однако последовало несколько публикаций как ответ на некоторые заявления большевистских деятелей. В ответ на обещания К. Радека провезти тело Воровского по всей России, А. Керенский опубликовал передовицу «Путешествие», в которой предлагал не забыть проехать под окнами Бутырской тюрьмы, где «двенадцать смертников гниют заживо», по российским деревням, где их встретят «тени младенцев, пожранных своими матерями» и запоротые мужики, и забыть «штаб Духонина» с тысячами «убитых «золотопогонников»².

Используя все эти яркие образы, Керенский умело подчеркивает цинизм большевистской скорби по убитому дипломату, которая будет использована как повод для новых репрессий. «И во имя Воровского с новой силой заполыхает пламя над «бунтующими деревнями»; с новым усердием заработают пулеметы и браунинги; еще плотнее набьются тюрьмы «контрреволюционерами» – рабочими и интеллигентами»³. В еще одной передовице «Дней» «Террор»⁴ разоблачались попытки советской прессы отрицать красный террор вообще. Такие публикации, несомненно, создавали общий фон для формирования общественного мнения о процессе.

Позиция эсеровского правого центра в лице Керенского вызвала жестко-негативную реакцию со стороны социал-демократов.

Лидер заграничных меньшевиков Ф. И. Дан резко негативно отнесся к сценарию предстоящего процесса, который формировала защита: «процесс Конради и Полунина – меньше всего обычный уголовный процесс, и в то же время, даже с точки зрения чистого человеколюбия, характер той судебной инстанции, перед которой они предстанут, менее всего заставляет опасаться чрезмерной жестокости приговора. И если правый фланг русской эмиграции с такою страстью и энергиею взялся за организацию защиты на этом процессе, то именно потому, что он желает сделать из него политическую тяжбу, а самого Конради из ополумевшего мстителя за претерпленные личные обиды и страдания превратить в передового борца, в своего рода символ и знамя всех оттенков белогвардейской контрреволюции» (...) «Бой по всей линии между контр-революцией и революцией — вот пьеса, которую хочет поставить под названием «дела Конради» белогвардейщина на швейцарском суде»⁵. Дан делает однозначный вывод, оставляя только за социалистическими партиями право борьбы с диктатурой: «Со всеми противоречиями революции, со всеми ее ошибками и даже преступлениями демократы и социалисты, стоящие на революционной почве, могут бороться только сами, своими собственными силами. Мнимым «помощникам» в этой борьбе из черной и белой сотни ответ может быть только один: «грязные руки прочь!»⁶.

От лица тех, кто решился выступить со свидетельскими показаниями на стороне защиты, на страницах «Дней» выступила Е. Кускова. С ее точки зрения, выступление на процессе со свидетельствами против большевистской власти еще не означает поддержки тер-

¹ Бессмысленное убийство // Дни. № 160. 1923. 12 мая. С. 1.

² Путешествие // Дни. № 166. 1923. 19 мая. С. 1.

³ Там же.

⁴ Террор // Дни. № 314. 1923. 17 ноября. С. 1.

⁵ Дан Ф. Под маской «судебной защиты» // Социалистический вестник. 1923. № 20 (66). С. 2.

⁶ Там же. С. 3.

рора. «С моей точки зрения, все честные и политически зрелые люди должны были бы всемерно и всякими путями стремиться выбить этот аппарат [политического террора] и из рук красных, и из рук белых. Ибо ясно, что аппарат этот – злейший враг России, злейший враг всей культуры вообще»¹. Отвечая на резкие выпады Дана, она напомнила о традиционно просоветской позиции меньшевиков, в том числе и по вопросу об официальном признании СССР: «Теперь от нас требуют не только безусловного и безоговорочного «признания советов», но и молчания на суде о той жизни, которая ими создана. И все во имя «борьбы против реакции»². Причислить всех, кто решился выступить на процессе к контрреволюции, которая готовится дать бой не только «октябрю», но и «февралю», могут только люди «имеющие дело всегда со стадом, а не с ответственными за свои действия личностями»³.

При этом ошибочно было бы полагать, что Екатерина Кускова принимает сторону «белых» и готова обличать только государственный террор большевиков. «Только при особом состоянии ума и сердца возможна постановка таких вопросов: равноценен ли красный террор белому? (...) Что лучше? Кровь от белой или от красной руки? (...) Расценивать людоедство по его «значению» или силе преступности – нельзя. Его надо уничтожить»⁴, писала она вскоре после окончания процесса.

Советская пресса не оставила без внимания активность эмигрантской демократической общественности и заклеила их как участников убийства. «Кускова-Конради – это клеймо, которое выжжено на лбу «социалистов» и «демократов», добровольно примазавшихся к кровавому делу оправдания и поощрения белого убийства»⁵, писала «Правда». В эту же «шайку убийц» были записаны В. Зензинов и эсеры из «Дней», которых никто не спрашивал, «не изменили ли они после процесса своих цекистов свой взгляд на террор против представителей советской власти. Им самим было угодно дать этот ответ. Мы запомним его»⁶.

В это время появляется информация о том, что за убийство Воровского большевики угрожали расправиться с заложниками из числа социалистов-революционеров, находившихся в советских тюрьмах. Официально подобных угроз со стороны Москвы не поступало, однако сообщения о них распространились в среде русской эмиграции по разным неофициальным каналам, в том числе через «Дни» и «Vorwärts». Вот что сообщили «Дни»: «На заседании губернского комитета РКП, после доклада Бухарина о состоявшемся приговоре швейцарского суда над убийцами Воровского, выступил Сталин, заявивший следующее: ««Голоса всех трудящихся требуют от нас возмездия подстрекателям этого чудовищного убийства. Фактически убийцы тов. Воровского – не ничтожные наймиты Конради и Полунин, а те социал-предатели, которые, скрывшись от народного гнева за пределы досягаемости, еще продолжают готовить почву для наступления против руководителей русского пролетариата. Они забыли о нашей дальновидности, проявленной нами в августе 1922 года, когда мы приостановили приговор Верховного Трибунала, вопреки настойчивому желанию всех трудящихся масс. Теперь мы можем им напомнить, что постановление еще не потеряло силы, и за смерть тов. Воровского мы сумеем потребовать к ответу их друзей, находящихся в нашем распоряжении»⁷. Газета продолжила данную тему на следующий

¹ Кускова Е. Под маской борьбы с реакцией // Дни. № 310. 1923. 7 ноября. С. 1.

² Кускова Е. Под маской борьбы с реакцией // Дни. № 310. 1923. 7 ноября. С. 1.

³ Там же.

⁴ Кускова Е. Кому что нравится // Дни. № 310. 1923. 7 ноября. С. 2.

⁵ П.Ш. Кто оправдал наемных убийц? // Правда. № 262. 1923. 18 ноября. С. 1.

⁶ Там же.

⁷ Россия. Угроза расправиться с заложниками // Дни. № 323. 1923. 29 ноября. С. 2.

день в передовице «Пора покончить»: «За оправдание Конради должен быть расстрелян Тимофеев, а за Полунина – Гоц. Такова логика большевистского “правосудия”»¹.

Официальная позиция Заграничной делегации партии социалистов-революционеров по делу Воровского была выражена 30 ноября 1923 г. в обращении «По поводу новых большевистских угроз», опубликованном в № 32 журнала «Революционная Россия», центральном органе ПСР. Там указывалось: «Убийцы Воровского освобождены вердиктом суда, в юридических формах которого происходил моральный поединок между лагерем русской контрреволюции, стоявшим за Полуниним и Конради, и лагерем большевистского истребления революции, стоявшим за телом убитого Воровского. В этом поединке нам, русским социалистам-революционерам, нечего было делать. Мы – непримиримые враги большевистского режима произвола и красного произвола, но враг нашего врага нам не друг. Мы не раз звали большевиков к ответу перед судом общечеловеческой совести за воскрешение – лишь для субъективно иных целей – тех же методов управления, которые были при самодержавии вековым проклятием нашей родины; за проведение в жизнь великих лозунгов социализма методами, убийственно противоречащими всему их духу. Но мы не признали этого права за теми, кто поднимает голос и вооруженную руку против новорожденного деспотизма большевиков лишь во имя исконного освященного веками деспотизма старого режима. Конради и Полунина были для нас не героями, а моральными слепцами, преступно злоупотребившими для сведения политических счетов тем священным правом убежища, которое предоставляют всем гонимым свободные демократические государства: бессмысленное убийство Воровского, не более всякого рядового большевика повинного в ужасах красного террора, могло вызвать в нас лишь содрогание, как и всякое другое ненужное пролитие человеческой крови, сеющее ядовитые семена новых ужасов и новых убийств»².

С этой оценкой солидаризировался социалист-революционер М.В. Вишняк, один из редакторов журнала «Современные записки». Он писал З. Гиппиус из Парижа 22 января 1924 г.: «Конради никто из нас не «клеил». Но считать его тираноубийцей, героем и подвижником – как это делают Карташов³, Гурко⁴ и Носович⁵, – я лично считаю и неосновательным и безвкусным... Террорист оправдывает свой грех тем, что жертвует собой: он не только убивает, но и умирает. Многим ли жертвовал Конради, идя по линии наименьшего сопротивления и убивая первого попавшегося ему на пути, далеко не худшего, Воровского на швейцарской территории?.. Это убийство, повторяю, *объективно* – пошло скорее на пользу большевикам, а субъективно – очень отдаленно напоминало былых террористов...» [15, с. 241]. Схожего мнения придерживался и далекий от социалистических кругов консервативный либерал В. А. Маклаков, писавший 17 мая 1923 г. Б. А. Бахметеву: «это убийство мне показалось недостаточно мотивированным; как политический акт, т.е. устранение вредного человека, это был бы слишком плохой выбор; Воровский принадлежал к наименее вредным людям, и, во всяком случае, не влиятельным. Как акт мести он тоже недостаточно мотивирован (...) убийство Воровского в моих глазах относится к категории тех преступлений, которые более всего объясняются сознанием безнаказанности и потому и вызывают наименее симпатий» [14, с. 556–557].

¹ Пора покончить // Дни. № 324. 1923. 30 ноября. С. 1.

² По поводу новых большевистских угроз // Революционная Россия. 1923. № 32. С. 31.

³ Карташов Антон Владимирович (1875-1960) – общественно-политический и церковный деятель, историк. Член партии кадетов. В эмиграции с 1919 г.

⁴ Гурко Владимир Иосифович (1862/63–1927) – общественно-политический деятель, монархист. В эмиграции с 1919 г.

⁵ Носович Анатолий Леонидович (1878-1968) – военный деятель, генерал-майор. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1920 г. в эмиграции.

Лидер эсеров В. М. Чернов, находившийся в Праге, в 1923 г. написал статью «Оба хуже»¹, посвященную итогам Лозаннского процесса. Она осталась неопубликованной и отложилась в рукописи в Архиве Международного института социальной истории (Амстердам, Нидерланды). Интересно, что фраза «оба хуже» впоследствии станет крылатой, но не благодаря Чернову, а благодаря И. В. Сталину, который произнесет ее в 1925 г. в отчетном докладе ЦК перед XIV съездом партии в связи с правым и левым уклоном среди партийцев.

Содержание этой работы Чернова представляет несомненный интерес. Во многом это вызвано теми аргументами, которые он приводит в поддержку позиции заграничных эсеров, осудивших убийство Воровского. Такая позиция вызвала недоумение и возражения ряда представителей эмиграции (в частности, С. П. Мельгунова)² [9], указывавших, что партия социалистов-революционеров всегда в своей деятельности использовала тактику политического террора. В связи с этим Чернов принял решение дать развернутый ответ на эти обвинения, по каким-то причинам оставшийся неопубликованным.

Чернов пишет, что «...в свое время Исполнительный Комитет партии Народной Воли должен был выступить перед всем миром с заявлением, резко отгораживавшим героические выступления Желябовых, Кибальчичей и Халтуриных от актов, вроде убийства президента Соединенных Штатов Линкольна человеком, мстившим за уничтожение рабовладельчества. Тогда же «Народная воля» установила принцип, по которому территория свободных демократических стран не может быть ареной политических убийств, применяемых как средство партийной борьбы. Этому принципу всегда с тех пор твердо и выдержанно следовали русские революционеры»³.

Чернов отмечает, что эсеровские террористы никогда не искали пути «наименьшего сопротивления», шли на огромный риск, более того, многие из них верили в то, что взять жизнь другого человека можно, лишь отдав свою. Лагерь российской контрреволюции не знал подобного, ни в 1917 г., ни позднее. Касаясь террористических актов 1918 г., Чернов указывает, что «...в следующем 1918 году в Урицкого, в Володарского, в Ленина пошли стрелять, рискуя своей головой, одиночки-социалисты»⁴. Обратим внимание – именно «одиночки» – как мы уже говорили, после прихода большевиков к власти террористическая борьба эсеров в официальную тактику партии включена так и не была, несмотря на разногласия в партии по этому вопросу. Тем не менее, возможно, здесь кроется причина того, что статья Чернова так и не была опубликована – он не хотел привлекать внимание к террористическим актам 1918 г. в условиях, когда совсем недавно, по итогам московского показательного процесса социалистов-революционеров (июнь-август 1922 г.) двенадцать человек было осуждено к смертной казни (исполнение приговора было отложено Президиумом ВЦИК), в том числе за покушения на лидеров большевиков. Только в январе 1924 г. наказание для осужденных эсеров было смягчено.

Почему убийство Воровского было бессмысленным, задается вопросом В. М. Чернов? Во-первых, оно морально «знаменовало не срачивание с моральным правосознанием страны, а разрыв с ним». Оно было бессмысленно, ибо при этих условиях «могло быть только ненужным пролитием крови, таящим в себе ядовитые семена новых актов по-

¹ Чернов В. Оба хуже. International Institute of Social History. Partija Socialistov-Revoljucionerov (Ros-sija) Archives. Folder 1037. Image 31–40. URL: <https://access.iisg.amsterdam/universalviewer/#?manifest=https://hdl.handle.net/10622/ARCH01038.1037?locatt=view:manifest>

² Мельгунов С. Несколько слов о процессе Конради // За свободу! 1924. 11 января. № 9 (1064). С. 2–3.

³ Чернов В. Оба хуже. IISH. PSR Archives. Folder 1037. Image 31.

⁴ Ibid. Image 33.

литической вендетты, новых жертв, новых кровавых эксцессов, от которых доселе так жаждет отдохнуть страна»¹.

Во-вторых, подчеркивает Чернов, «оно было бессмысленно еще и потому, что пользование на территории демократических государств священным правом убежища морально и психологически обязывает. И прежде всего, обязывает искать другого места для сведения кровавых счетов, даже вполне понятных и в этом смысле – «простительных», а не таких бессмысленно-случайных по выбору объекта как то, которое произошло в Лозанне. И с этой точки зрения лозаннское дело могло только лить воду на мельницу большевизма. Конради и Полунин добились фактического оправдания. И что же? Создалось ли на этой почве единство хотя бы антибольшевистского общественного мнения? Ничего подобного. Начиная от Вандервельде и кончая целым рядом передовых буржуазных писателей и деятелей, мы видим чувство величайшей неловкости и смущения от всего происшедшего. Приговор воспринимается как удар по основным принципам даже буржуазного правосудия»².

В-третьих, отмечает Чернов, процесс Конради «может только скомпрометировать тех демократов – не говоря уже о социалистах! – которые выступили бы в качестве защитников и апологетов его исхода. А нападать на этот исход – значит как будто «взять сторону большевиков». В том и другом случае получается как будто какая-то морально-политическая клякса. Это потому, что такую кляксу является самый акт, на который, как пешка, пошел Конради. Пошел во имя понятных, в известной мере даже законных человеческих чувств, – не к месту пристроенных и проявившихся бессмысленно – и некрасиво»³.

Главный вывод В. М. Чернова по итогам процесса в Лозанне заключался в том, что этот суд, поскольку ему удалось подняться до уровня идейного, «был как бы моральным поединком перед лицом Европы между началами белой и красной диктатуры, белого и красного террора. Но вот эта-то тяжба двух терроров и двух диктатур в самой своей основе нам – глубочайшим образом чужая»⁴. Чернов подчеркивает, что привлекать к ответственности за красный террор могут только те, кто не причастен к террору белому.

Как отмечают О. В. Коновалова и В. И. Федорова, Чернов в работе «Оба хуже», сравнивая террор социалистов-революционеров до 1917 г. с репрессиями большевиков, делал вывод, что политическое насилие – это всегда плохо, так как оно нарушает права человека. «Однако эсеровский террор был направлен против насилия государства, и боевики сознательно приносили себя в жертву для того, чтобы покарать виновных в унижении народа. В этом смысле это «сакральный» террор, так как борьба личности за свои права не только морально оправданна, но и священна. Однако большевики применяли насилие против личности, опираясь на силу государственного аппарата, и таким образом, приносили в жертву не себя, а других, поэтому эсеровский террор рассматривался как морально оправданный и даже священный. Тогда как обезличенный государственно-классовый террор большевиков носил, безусловно, аморальный характер. В оценке Черновым революционного насилия в этот период явно прослеживался моральный релятивизм, связанный, очевидно, с инерцией борьбы с самодержавием. На лицо двойная оценка революционного насилия – оправдание тех, кто действует против государственной власти и её носителей, и неприятие мер государственного принуждения» [7, с. 121]. Не оспаривая оценок террора партии социалистов-революционеров до 1917 г., заметим, что после прихода большевиков к власти Чернову и эсерам вряд ли можно поставить в вину моральный релятивизм в отношении политического террора.

¹ Ibid. Image 37.

² Ibid.

³ Ibid. Image 38.

⁴ Ibid. Image 39.

После завершения Лозаннского процесса тема террора какое-то время продолжала оставаться актуальной. Например, живую дискуссию вызвала книга левого эсера И. З. Штейнберга «Нравственный лик революции» [21], посвященная проблеме революции и террора. Автор книги прочитал доклад по книге, за которым последовали прения, привлечшие довольно большую аудиторию. В обмене мнениями приняли участие представители различных социалистических течений и анархисты, в том числе В. М. Чернов. Как писали «Дни»: «О терроре с отвращением говорили не только левые с.-р., но и сподвижник Махно г. Волин»¹.

По мнению многих выступающих, Штейнберг перевел обсуждение террора в отвлеченную теоретическую плоскость, «забыв» о массовом терроре, неизбежно следовавшем за насаждением большевизма, и ответственность за который частично лежала и на левых эсерах. В прениях приняла участие и известная американская анархистка Эмма Гольдман. Она также очень резко характеризовала большевистский террор, не находя ему оправдания как «террору партии, группы, секты»², однако допускала террор стихийный, массовый и «спонтанный». Солидарен с ней был и анархист В. М. Волин, который оценивал террор с точки зрения того, кто его применял. «Большевицкий террор неприемлем потому, что после Брест-Литовска он вошел в политическое русло, а махновский – был вне политического русла, был – стихийным, а потому приемлем. Что должны делать политические вожди перед стихией?»³.

В ответ на утверждение Штейнберга о том, что большевистский террор был ответом не выступления контрреволюционных сил, Марк Алданов напомнил, что «еще в 1905 г. Ленин проповедовал необходимость беспощадной расправы с буржуазией и с дворянством»⁴.

Чернов в своем выступлении остановился на сложном соотношении борьбы и насилия: с одной стороны, борьба возможна и без насилия, она есть и в толстовстве. А с другой стороны, «национальное или даже личное угнетение в такой же мере, как социальное, могут толкнуть на борьбу и насилие, что борьба начинается часто, когда массы еще не подготовлены, что массы могут, под влиянием чувства мести, вести назад, а не вперед»⁵. Комментируя проблему террора, он опять повторил мысль, высказанную им в статье «Оба хуже» о том, что не только вопрос о массовом терроре, но даже «в отношении отдельных лиц, заведомых извергов»⁶ для эсеров представлялся всегда необыкновенно сложным, примером чего служили мучения Е. Сазонова. Большевики же довели террор до абсурда.

4. Заключение

Отклики В.М. Чернова и социалистов-революционеров на Лозаннский процесс отражают противоречивый результат поиска российскими эмигрантами новых теоретических и практических путей в период после окончания Гражданской войны и вытеснения в эмиграцию. От этого зависело будущее социалистов-революционеров как партии. В конечном счете, зарубежным эсерам не удалось сохранить организационное и идейное единство, выработать новую программу партии. В то же время наследие российских социалистов эмигрантского периода сохраняет значение в плане формирования новой модели демократического социализма, для которой эмигранты, в том числе В.М. Чернов, сделали немало.

Голос социалистической эмиграции остался в 1923 г. в меньшинстве. Однако процесс Конради-Полунина показал, что российские социалистические партии в эмиграции, несмотря на то, что были далеки от монолитного единства в важнейших вопросах полити-

¹ С.Я. Террор и революция // Дни. № 352. 1924. С. 4.

² С.Я. Террор и революция // Дни. № 352. 1924. С. 4.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 5.

ческой борьбы, в отдельных принципиальных моментах могли совместно выступать перед лицом оправдания политического террора. Это отчетливо выразилось во время кампании 1922 г. по мобилизации европейского общественного мнения на защиту обвиняемых в Москве социалистов-революционеров, вновь подтвердилось во время суда над убийцами Воровского. В конечном итоге взаимоотношения эсеров и меньшевиков в эмиграции приведут к принятию в 1952 г. знаменитого совместного обращения «На пути к единой социалистической партии», где говорилось о необходимости создания партии демократического эволюционного социализма.

Список источников и литературы

1. Васильева, Н. Ю. (2007). *Вацлав Вацлавович Воровский* // Известные дипломаты России: министры иностранных дел – XX век. М.: Московские учебники. С. 156-163.
2. Ганин, А. (2019). «Красный террор» в черно-белом изображении // Родина. № 7. С.126-129.
3. Демидова, О. (2018). *Диалог Варшавы и Парижа об аксиологии эмиграции (на материале писем Д. Философова к З. Гиппиус и газеты «За свободу!»)* // Warszawa: Wydawnictwo Instytutu badań literackich PAN (Seria XXIV). S. 120–136. Doi: 10.18318/napis.2018.1.8
4. Дойков, Ю. В. (2009). *Питирим Сорокин в Праге. 1922–1923*. Архангельск. 146 с.
5. Драгунов, В. П. (1989). Новые факты о гибели В.В. Воровского // *Международная жизнь*. № 4. С. 130-141.
6. Жуковский, Н. П. (1978). *Посол нового мира: О жизни, революционной, литературной, научной и дипломатической деятельности В.В. Воровского*. М.: Политиздат. 318 с.
7. Коновалова, О. В., Фёдорова, В. И. (2016). *В.М. Чернов: от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России* // *Российская история*. № 1. С. 116–130.
8. Ломоносова, М. В., Агеева, А. И., Васильева, Д. И. (2020). «Существующий кризис власти может быть весьма затяжным». *Страницы переписки Александра Гучкова с Питиримом Сорокиным* // *Наследие*. № 2(17). С.133–145.
9. Мельгунов, С. (1990). *Красный террор в России, 1918-1923* / [Послесл. А. Даниеля, Н. Охотина]. М.: СП "РИУСО". 207 с.
10. Морозов, К. Н. (2019). «Это так не было»: дискуссии о терроре в эсеровской партии в годы Гражданской войны // *Идеи и идеалы*. Т. 11. № 1. Ч. 1. С. 327–355. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-327-355
11. «Парижский философ из русских евреев»: Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову / Публ. Э. Гарэтто и А. Добкина // *Минувшее: Ист. альманах*. Вып. 22. М.-СПб., 1997. С. 539–621.
12. Речь Обера, произнесенная в защиту Полунина перед судом присяжных в Лозанне по делу об убийстве Воровского: пер. с фр. Белград: Новое время, 1924. 102 с.
13. Сколяр, Ю. Н. (2017). Дело примирения: от дипломатии до культуры. Памяти Вацлава Воровского // *Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова*. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. № 1. С.86-94.
14. «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. В 3-х томах. Том 2. Сентябрь 1921 – май 1923 / Под ред. О. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2002. 672 с.
15. «Современные записки» (Париж, 1920-1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. 1016 с.

16. Чистяков, К. А. (2000). *Убить за Россию!: Из истории русского эмигрантского «активизма», 1918-1939 гг.* М.: Изд-во Ипполитова. 139 с.
17. Чистяков, К. А. (2002). *Покушение М. Конради на главу советской делегации В.В. Воровского в Лозанне 10 мая 1923 г.* // Новый исторический вестник. № 6. С. 118-120.
18. Членов, С. Б. (1923). *Речь по делу об убийстве В.В. Воровского.* М.: Типография редакционно-издательского отдела, 22 с.
19. Членов, С. Б. (1924). *Убийство В. В. Воровского и буржуазное правосудие.* Харьков: Путь Просвещения. 50 с.
20. Шмелев, И. С. (1999). *Господину Оберу, защитнику русского офицера Конради как материал для дела* // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 7 (доп.). Это было: Рассказы. Публицистика. М., 1999. С. 402–404.
21. Штейнберг, И. З. (2017). *Нравственный лик революции.* М.: Кучково поле. 416 с.
22. Aubert, T. (1924). *L'affaire Conradi: plaidoirie prononcée pour Arcadius Polounine devant le Tribunal criminel de Lausanne, les 14 et 15 novembre 1923.* Genève: Sonor. 132 s.
23. Capol, G. (2002). *Die Affaire Conradi, 1923* // Bündner Jahrbuch. Chur. S.159–171.
24. Franco, R. M. (2023). *The Conflicting Soviet Responses to the Lausanne Process (1922-1924)* // MGIMO Review of International Relations. 16 (3):81-108. DOI: [10.24833/2071-8160-2023-3-90-81-108](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-81-108)
25. Franco, R. M. (2023). *The Last White Victory: Aleksandr Guchkov and the Conradi-Polunin Process of 1923* // Revolutionary Russia. 36:1, 76-99. DOI: [10.1080/09546545.2023.2210006](https://doi.org/10.1080/09546545.2023.2210006)
26. Gattiker, A. (1975). *L'affaire Conradi.* Berne: H. Lang. 323 s.
27. Senn, A. E. (1981). *Assassination in Switzerland. The Murder of Vatslav Vorovsky.* Madison: Univ. of Wisconsin Press. 220 p.

References

1. Vasil`eva, N. Yu. (2007). *Vaczlav Vaczlavovich Vorovskij* [Vaclav Vatslavovich Vorovsky] in *Izvestny`e diplomaty` Rossii: ministry` inostranny`x del – XX vek.* Moscow. (in Russian)
2. Ganin, A. (2019). «Krasny`j terror» v cherno-belom izobrazhenii ["Red Terror" in black and white image] in *Rodina.* 7. 126-129. (in Russian)
3. Demidova, O. (2018). *Dialog Varshavy` i Parizha ob aksiologii e`migracii (na materiale pisem D.Filosofova k Z.Gippius i gazety` «Za svobodu!»)* [The dialogue between Warsaw and Paris on the axiology of emigration (based on D.Filosofov's letters to Z.Gippius and the newspaper "For Freedom!")] in *Warszawa: Wydawnictwo Instytutu badań literackich PAN (Seria XXIV).* (in Russian)
4. Dojkov, Yu. V. (2009). *Pitirim Sorokin v Prage. 1922–1923.* [Pitirim Sorokin in Prague. 1922–1923]. Arxangel`sk. (in Russian)
5. Dragunov, V. P. (1989). *Novy`e fakty` o gibeli V.V.Vorovskogo* [New facts about the death of V.V.Vorovsky] in *Mezhdunarodnaya zhizn`.* 4. 130-141. (in Russian)
6. Zhukovskij, N. P. (1978). *Posol novogo mira: O zhizni, revolyucionnoj, literaturnoj, nauchnoj i diplomaticheskoy deyatel`nosti V.V. Vorovskogo.* [Ambassador of the New World: About the life, revolutionary, literary, scientific and diplomatic activities of V.V. Vorovsky]. Moscow, Politizdat. (in Russian)
7. Konovalova, O. V., Fyodorova, V. I. (2016). *V. M. Chernov: ot terrorizma k pacifizmu. E`volyuciya mirovozzreniya i realii Sovetskoj Rossii* [V.M. Chernov: from terrorism to pacifism. The evolution of the worldview and the realities of Soviet Russia] in *Rossijskaya istoriya.* 1. 116-130. (in Russian)

8. Lomonosova, M. V., Ageeva, A. I., Vasil`eva, D. I. (2020). «*Sushhestvuyushhij krizis vlasti mozhet byt` ves`ma zatyazhny`m*». *Stranicy perepiski Aleksandra Guchkova s Pitirimom Sorokiny`m* ["The current crisis of power can be very protracted." Pages of correspondence between Alexander Guchkov and Pitirim Sorokin] in *Nasledie*. 2 (17). 133-145. (in Russian)
9. Mel`gunov, S. (1990). *Krasny`j terror v Rossii, 1918-1923* [The Red Terror in Russia, 1918-1923] / [Poslesl. A. Danielya, N. Oxotina]. Moscow, SP "RIUSO": P. S. (in Russian)
10. Morozov, K. N. (2019). «*E`to tak ne by`lo*»: *diskussii o terrore v e`serovskoj partii v gody` Grazhdanskoj vojny`* ["It wasn't like that": discussions about terror in the Socialist Revolutionary Party during the Civil War] in *Idei i idealy`*. 11(1). 327–355. (in Russian)
11. «*Parizhskij filosof iz russkix evreev*»: *Pis`ma M. Aldanova k A. Amfiteatrovu* ["The Parisian philosopher from the Russian Jews": Letters of M. Aldanov to A. Amfiteatrov] / Publ. E`. Gare`tto i A. Dobkina in *Minuvshee: Ist. al`manax*. 22. Moscow, St. Petersburg, 1997. 539-621. (in Russian)
12. *Rech` Obera, proiznesennaya v zashhitu Polunina pered sudom prisyzhny`x v Lozanne po delu ob ubijstve Vorovskogo* [Aubert's speech in defense of Polunin before the jury in Lausanne in the case of the murder of Vorovsky]: per. s fr. Belgrad: Novoe vremya, 1924. 102 s. (in Russian)
13. Skolyar, Yu. N. (2017). *Delo primireniya: ot diplomatii do kul`tury`*. *Pamyati Vaczlava Vorovskogo* [The cause of reconciliation: from diplomacy to culture. In memory of Vaclav Vorovsky] in *Vestnik Mosk.un-ta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika*. 1.86-94. (in Russian)
14. «*Sovershenno lichno i doveritel`no!*»: *B.A. Baxmetev – V.A. Maklakov. Perepiska. 1919-1951*. ["Completely personally and confidentially!": B.A.Bakhmetev – V.A. Maklakov. Correspondence. 1919-1951.] V 3-x tomakh. Tom 2. Sentyabr` 1921 – maj 1923 / pod red. O.Budniczkogo. Moscow, ROSSPE`N, 2002. (in Russian)
15. «*Sovremenny`e zapiski*» (*Parizh, 1920-1940*). *Iz arxiva redakcii* ["Modern Notes" (Paris, 1920-1940). From the editorial office archive] / pod red. O. Korosteleva i M. Shruby`. Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 3. (in Russian)
16. Chistyakov, K. A. (2000). *Ubit` za Rossiyu!: Iz istorii russkogo e`migrantckogo «aktivizma», 1918-1939 gg.* [Kill for Russia!: From the history of Russian emigrant "activism", 1918-1939]. Moscow, Izd-vo Ippolitova. (in Russian)
17. Chistyakov, K. A. (2002). *Pokushenie M.Konradi na glavu sovetsoj delegacii V.V.Vorovskogo v Lozanne 10 maya 1923 g.* [M. Conradi's assassination attempt on the head of the Soviet delegation, V.V. Vorovsky, in Lausanne on May 10, 1923.] in *Novy`j istoricheskij vestnik*. 6. (in Russian)
18. Chlenov, S. B. (1923) *Rech` po delu ob ubijstve V.V. Vorovskogo* [It's about the murder of V.V. Vorovsky]. Moscow, Tipografija redakcionno-izdatel'skogo otdela. (in Russian)
19. Chlenov, S. B. (1924) *Ubijstvo V. V. Vorovskogo i burzhuznoe pravosudie* [The murder of V.V. Vorovsky and bourgeois justice]. Xar`kov: Put` Prosveshheniya. 50 s. (in Russian)
20. Shmelev, I.S. (1999) *Gospodinu Oberu, zashhitniku russkogo oficera Konradi kak material dlya dela* [To Mr. Aubert, the defender of the Russian officer Konradi as material for the case] in *Sobranie sochinenij*, 7. E`to by`lo: Rasskazy`. Publicistika. Moscow, Russkaya kniga. 402-404. (in Russian)
21. Shteinberg, I.Z. (2017) *Nravstvenny lik revolutsii* [The moral face of the revolution] Moscow, Kuchkovo pole. (in Russian)

Вклад авторов:

А.Ю. Суслов: написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи;

А.А. Голосеева: получение данных для анализа, анализ полученных данных.

Authors' contributions:

A.Yu. Suslov: writing the text of the manuscript; review of publications on the topic of the article;

A.A. Goloseeva: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained.